Дмитрий Кириллович Бурлака
кандидат философских наук, академик РАЕН,
ректор Русской христианской гуманитарной академии.
Тел. (812) 314-35-21; 576-35-87;
rector@rchgi.spb.ru

ГРАНТОВАЯ СИСТЕМА ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ — МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ИЛИ ФОРМА ВЫЖИВАНИЯ?

Появление моей статьи на страницах альманаха, посвященного инновационной проблематике, не является случайным. Хотя на первый взгляд может показаться странным сочетание духовного элемента, прочитываемого в названии РХГА (а при желании в нем можно увидеть клерикальный или идеологический аспект), и вопроса об эффективных инвестициях в научно-образовательный сектор экономики. Однако в течение последних десяти—двенадцати лет Академия является весьма активным участником той сферы научных исследований, которая не имеет стабильного бюджетного финансирования, привычного нам по советским временам, но продвигается за счет инвестиций, носящих точечный и адресный характер. Названная активность Академии принесла свои плоды как в духовном (социокультурном) плане, так и вполне материальные. Именно успешность научной деятельности, включая ее издательскую и виртуально-информационную составляющие, позволило в 2004 году Русский христианский гуманитарный институт повысить свой аккредитационный статус до уровня академии.

Издательская деятельность Академии достаточно известна, по крайней мере, в среде гуманитариев. Серия «Русский путь: pro et contra», признанная не только в России, но практически во всех россиеведческих зарубежных центрах, является своего рода ее визитной карточкой. Имеются, однако, и не столь очевидные стороны в работе РХГА, но и в отношении них есть определенные свидетельства. В конце 2003 г. руководство Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) поздравило РХГИ с успешными итогами научной деятельности вуза, сообщив, что «Русский христианский гуманитарный институт является одним из самых активных и успешных участников конкурсов РГНФ. По итогам конкурсов РГНФ 1995—2002 гг., учитывающих все виды конкурсов — исследовательского, издания научных трудов, проведение научных мероприятий, создание информационных систем, развитие материальной базы научных журналов, — РХГИ входит в пятерку ведущих университетов России, занимая четвертое место после МГУ, СПбГУ, ТомГУ. Дирекция РГНФ отмечает значительный вклад, осуществленный Вашим вузом в развитие гуманитарных наук в сложный период жизни российской науки, и желает институту дальнейших успехов».

Для молодого и небольшого по российским меркам (порядка восьмисот студентов, около ста преподавателей и сотрудников) вуза это впечатляющий результат. Гранты Российского гуманитарного научно-

го фонда в самой значительной степени способствовали развитию научных исследований, проводимых сотрудниками Академии, но эта поддержка была не единственной, хотя и наиболее систематичной. У Академии был опыт сотрудничества с другими организациями, финансирующими научно-образовательную сферу, в том числе и зарубежными фондами. Этот опыт мне и предложили осмыслить на страницах данного альманаха, поделившись при этом соображениями о перспективах грантового финансирования науки в постреформенной России. Поэтому настоящая статья тематически распадается на два раздела, первый из которых связан с осмыслением истории, а второй — с возможными перспективами и оценкой современных тенденций.

Обращение к анализу ближайшего прошлого, в свою очередь, будет иметь две составляющие. Одна связана с опытом получения и реализации грантовой поддержки Академией, а другая — с общей культурно-политической ситуацией. Рассмотрение частного, и даже весьма своеобразного случая в контексте общих тенденций вполне оправдано. Объяснить научные достижения академии вне понимания того, что РХГА — это высшее учебное заведение, просто невозможно. При этом связь науки и образования в РХГА не имеет естественно-родового характера, но, скорее, представлена как результат творческого синтеза.

В постсоветской России вуз и наука отнюдь не близнецы-братья. Стало общим местом упрекать негосударственные структуры в отсутствии фундаментальных исследований и научных школ. Такая критика в целом справедлива, но не учитывает юный возраст этого сектора образования. О ситуации в духовных учебных заведениях обычно скромно молчат. Богословская и церковно-историческая наука, развивавшаяся там до Октябрьской революции, в последующий период была или выслана, или поставлена в самые неблагоприятные условия. За десять постсоветских лет положение дел радикально улучшить невозможно. Ситуация в государственных вузах неоднозначна. Классические университеты если и сохранили свой научный потенциал в области гуманитарных наук, то о радикальном развитии исследований говорить сложно. Прогресс был связан с энергией отдельных ученых или инициативных групп. Результаты научной работы, продемонстрированные РХГА, не типичны для всех категорий российских вузов. Успех же РХГА вырос именно из институциональной концентрации творческих усилий многих исполнителей на основе своеобразных интеллектуальных проектов.

РХГА не похож на другие вузы не только своими научными результатами. Академия не является типичным представителем ни одной из названных категорий образовательных учреждений. От большинства негосударственных вузов РХГА отличается критическим отношением к односторонне прагматичному, узкопрофессиональному построению образовательных программ. Этот подход не соответствует ни национальной педагогической традиции, ориентированной на фундаментальность и систематичность, ни требованиям надвигающейся информационной эпохи, лидерами которой будут не узкие специалисты, а люди, способные к самостоятельному конструктивному мышлению. В деятельности института исходно было заложено различие (и по мето-

дологии, и по профилю) с подавляющим большинством негосударственных вузов, имеющих экономическо-юридическую ориентацию. РХГА проводит подготовку по специальностям, в числе которых философия, теология, религиоведение, история, культурология, психология, искусствоведение, филология (классические, восточные, русский, финский, английский языки). Подобный спектр образовательных программ может быть найден только в крупных классических университетах. Однако РХГА весьма существенно отличается и от госуниверситетов. Во-первых, духовной составляющей образовательной концепции. Во-вторых, отсутствием стабильного бюджетного финансирования. В-третьих, и это обстоятельство более существенно для целей настоящей статьи, — системой управления, да и самой атмосферой, царящей в Академии. Организационная мобильность, динамичность и антибюрократичность суть черты, явно не свойственные большинству бюджетных учреждений образования и науки.

К середине 90-х годов структура учебного процесса вуза в целом сложилась, и был накоплен серьезный научный потенциал, переросший уровень сугубо учебных потребностей, установлены связи в научной среде Санкт-Петербурга и с зарубежными партнерами. РХГИ занял свою нишу на Северо-Западе России, и дальнейшее эффективное развитие вуза могло быть связано с организацией гиперобразовательных проектов — научных, научно-издательских и информационных. Начиная с 1996 г. научная и научно-издательская деятельность стали приоритетными направлениями развития РХГИ.

Избранная стратегия оказалась обоснована. Во-первых, качественное образование по непрагматичным гуманитарным специальностям невозможно построить без привлечения преподавателей к научной работе. Во-вторых, ориентация вуза на фундаментальную подготовку и научные исследования формирует неповторимое лицо института, отличая его, от большинства негосударственных образовательных учреждений. В-третьих, РХГИ проявил себя мобильной и успешной структурой в сравнении с традиционными вузами в конкурентных условиях деятельности в области науки и научного книгоиздания. Начиная с 1996 г. часть проектов, ранее финансировавшихся РХГИ из собственных средств, начинает получать поддержку различных фондов.

Обильная грантовая поддержка указывает на актуальность проектов, предлагаемых РХГА, и их востребованность академическим сообществом. Приведенную выше оценку деятельности вуза, согласно которой по совокупному нарастающему итогу конкурсов РГНФ институт вошел в пятерку ведущих университетов России, безусловно, нельзя абсолютизировать. Однако не следует ее недооценивать, принимая во внимание возраст и размеры учреждения. По состоянию на конец 2006 г. позиции Академии в вузовском сообществе, скорее всего, не столь впечатляющи, так как грантодобывающая активность академических структур значительно повысилась, при том что количество грантов не возросло. Оценить адекватно научные проекты, реализованные РХГА, можно в контексте общих культурно-политических процессов, характерных для постсоветской России. История неповторима, и каждый период ее когда-нибудь завершается, но без учета исторического

опыта, даже если его оценка будет негативной, выстроить перспективу развития малореально.

Результаты научной в широком смысле слова — исследовательской, издательской, информационной — деятельности были связаны с общей культурно-политической ситуацией в стране и с адекватной политикой вуза, ориентированной на самореализацию и на успех, а не только на выживание. Темпы научно-исследовательского, научно-издательского и информационного развития института обусловлены особенностями формирования научной политики. РХГА выделяет для себя приоритетные направления научного и издательского развития, тесно связанные с идеологией и образовательной моделью вуза и концентрирует на них финансовые и человеческие ресурсы. В общем виде эти сферы можно обозначить как историю и философию русской культуры и анализ религиозных оснований мирового культурно-исторического процесса.

Важнейшей чертой научно-исследовательской деятельности вуза было и остается стремление максимально широко использовать человеческий потенциал Санкт-Петербурга в целом как крупнейшего центра науки и культуры. РХГИ привлекал и привлекает к реализации своих проектов, наряду со штатным персоналом, специалистов из различных культурных и академических учреждений города. Со своей стороны, институт тоже был привлекательным для этих людей, давая им возможности творческой реализации, не созданные по каким-то причинам в учреждениях, называемых «основное место работы». Этот подход обусловлен также тем обстоятельством, что такой проект, как «Русский Путь», не может быть реализован силами одного вуза, даже самого крупного. В финансовом плане данная позиция дает возможность четко фиксировать реальные затраты на проделанную работу, снижать накладные расходы, не держать «балласта» в каждом конкретном проекте, достаточно эффективно оплачивая труд ведущих специалистов, и избегать «долгостроя», характерного для крупных забюрократизированных НИЧ, НИО и НИИ. Этот подход опирается на опыт целого ряда западных институтов и университетов. К сожалению, российские аналоги мне неизвестны, из чего, однако, вовсе не следует их объективное отсутствие.

В гуманитарных науках публикация традиционно считается наиболее серьезным свидетельством результативности исследования.

В последнем десятилетии XX века российское академическое книгоиздание, несмотря на все экономические неурядицы, развивалось семикратными темпами, как будто наверстывая упущенное. В результате прилавки современных и советских книжных магазинов вполне сопоставимы с продуктовыми аналогами — большой выбор и цена против минимума «жизненно-необходимых» и «социально-значимых» пищевых и интеллектуальных продуктов. В этот период академическое книгоиздание состоялось, потому что инициатива ученых и менеджеров получила адресную финансовую поддержку от российских и зарубежных фондов (РФФИ, РГНФ, Фонд Сороса). Без поддержки фондов прилавки книжных магазинов были бы заполнены преимущественно «чтивом», а не интеллектуальной продукцией. В XXI веке поддержка

издательских проектов со стороны различных организаций сократилась. Зарубежные структуры свернули свою деятельность в России, а отечественные, лучше сказать, купировали. В результате доля «мыльной» продукции в области гуманитарного книгоиздания возрастает, научной — сокращается. Речь идет не о количественных, а о качественных показателях.

При этом надо признать, что в содержательном аспекте большинство публикаций постсоветского периода вводили в научный оборот труды не новые, но лишь недоступные ранее или отсутствующие по каким-то причинам в академическом информационном поле. При наличии издательского гранта публикуемые тексты снабжались научно-справочным аппаратом и соответствующими пояснениями, что само по себе представляет научную работу, требующую квалифицированных исполнителей. Это не удивительно, так как пустоты были, без преувеличения, зияющими, а наработать принципиально нового за всего лишь десятилетие попросту невозможно. РХГИ в данном случае не исключение, но и не общий случай. Возьмем на себя смелость оценить проект «Русский Путь: pro et contra» в пространстве интеллектуального книгоиздания как имеющий наибольший удельный вес научно-образовательной новизны в общем массиве публикаций издательства. Кроме того, это единственный из реализованных серийных проектов, имеющих междисциплинарное культурологическое значение. Он по-своему реализует комплексный подход к построению гуманитарного образования, предложенный РХГИ. Ресурс его далеко не исчерпан, особенно с учетом новых информационных технологий.

Годы интенсивной издательской деятельности позволили вузу превратиться в ресурсный центр, являющийся одним из самых востребованных и динамичных в области гуманитарной науки. РХГИ и здесь быстрее очень многих сумел соединить результаты исследовательской и издательской работы с новейшими информационными технологиями. За несколько лет РХГИ прошел путь от минимально-допустимых требований, предъявляемых к российскому вузу, до хорошо информатизированного образовательного учреждения в целом и одного из лидеров в области реализации научно-информатизационных проектов в российском научно-гуманитарном сообществе — в частности. Сайт РХГА http://www.rchgi.spb.ru/ является одним из наиболее посещаемых среди вузовских, причем наиболее востребованы именно научные его поддомены.

Образовательная, исследовательская, издательская, информационная деятельность вуза требует соответствующего экономического обеспечения. Сейчас РХГИ — это вполне самостоятельный хозяйствующий субъект, сам создавший себе материальную базу, качество которой выше среднего по российским меркам. Весь этот период РХГИ работал в режиме полного самофинансирования. Средства различных фондов получались вузом в результате систематических побед в конкурсах. РХГИ не привык к такой поддержке, рассматривая ее как своего рода «дар свыше», и поэтому использовал полученные средства весьма эффективно. Это же можно сказать о других грантах и субсидиях — они не проедены и не приватизированы (что для России не очень

типично). В результате за истекшее десятилетие экономика РХГИ выросла в долларовом измерении более чем на порядок. При этом экономическое развитие РХГИ нельзя однозначно охарактеризовать термином «стабильный рост». На деле пресловутое «антикризисное управление» для руководства вуза не теория и не экстраординарная практика, а почти что повседневность. Экономика РХГИ — одно из лучших подтверждений концепции государственной поддержки науки, сочетающей в себе институциональный и адресный принципы. Первый создает и поддерживает среду. Второй — формирует условия для прогресса. Диспропорции приводят либо к застою, либо к истощению «почвы», среды научного обитания. Однако и среда научных исследований может создаваться, культивируясь в том числе и усилиями государства, не только методом планового финансирования структур. Правильно выстроенная система грантовой поддержки, направленной верно — к индивидам, группам и учреждениям, может даже эффективнее формировать среду исследований.

Подытоживая сказанное о социальной успешности научных проектов, выдвинутых РХГА, можно зафиксировать несколько причин. РХГИ выдвинул ряд интеллектуальных проектов, с одной стороны, новых для постсоветского общества, с другой — укорененных в традициях досоветской культуры и потому востребованных после распада СССР. При этом, в отличие от значительной части научного сообщества, сосредоточенной по традиции в госструктурах, РХГИ позитивно воспринял комплекс изменений, произошедших с Россией в перестроечное и реформационное время. Определенная часть активных (в социально-психологическом смысле) участников академического сообщества покинула пределы России. Люди, работающие в Академии, достаточно молоды, но связали свою творческую деятельность с русской культурой. Новые рыночные условия побудили вуз к разработке метаобразовательных источников финансирования. В конечном счете, названные условия принесли успех РХГИ, поскольку руководство вуза сумело придумать и реализовать своего рода «адекватный менеджмент», учитывающий всю совокупность условий времени. Однако инициативные проекты, реализованные вузом в научно-образовательной сфере, не состоялись бы без грантовой поддержки. По крайней мере, они были реализованы в качественно ином масштабе.

История России, которую именуют перестроечной и либерально-реформаторской, завершилась, хотя сформированные в это время тенденции продолжают действовать. Однако прежде, чем перейти к оценке современной ситуации, надо сказать об удивительном (для внешнего наблюдателя) аспекте деятельности РХГИ — религиозной составляющей. Несовместность науки и веры — не более чем стереотип. Совершенно очевидно, что наука и образование, именно как система образования, суть феномены христианской цивилизации и вне ее не имеют причин для появления. Эпоха новоевропейского Просвещения всего лишь выявила неадекватность клерикальной формы христианской культуры ее подлинному содержанию. Наука вполне может развиваться в религиозных учебных заведениях отнюдь не только в «узкоотраслевом» значении чисто теологических исследований. Однако для этого

требуются определенные усилия, которые, в свою очередь, могут реализоваться в определенных социально-экономических условиях.

Современная ситуация в российском обществе в целом и в его научно-образовательных сферах в частности иная в сравнении с годами перестроечно-реформационного модерна и с советской классикой. Однако, как и всякая постситуация, нынешняя имеет черты сходства со временем, которое из современности видится классикой, и с периодом, воспринимаемым в качестве модернизации. Существенной экономической характеристикой перестроечно-реформационного периода нашей истории являлась скудость федерального бюджета. Это вполне объяснимо. Революции в принципе связаны с временным ухудшением экономической ситуации, поскольку происходит смена структуры и субъектов собственности. В нашей стране это было обусловлено и разгосударствлением экономики, которое порой принимало формы, можно сказать, странные. Ныне ситуация другая. В федеральном бюджете много денег, которые имеют тот же самый источник происхождения, как и доходы позднего СССР. Главная причина не просто пополнения, но изобилия федерального бюджета — это доходы от торговли энергоносителями. Деньги, поступающие из названного источника, по многообразным каналам, пронизывающим социальный организм, проникают в сферы, непосредственно не связанные с добывающей промышленностью. Эти инъекции поднимают экономику в целом, но при этом надо заметить, что активируется экономика, которая уже прошла рыночное реформирование. Как бы ни оценивалось качество проведенных реформ, их последствия уже необходимы. Хотя их можно подкорректировать, например, в сторону построения государственного капитализма.

Государственно-капиталистическую модель развития страны можно оценить как нечто среднее между классическим капитализмом и социализмом, и курс в направлении ее построения просматривается. Возможно, что государственно-капиталистическая модель развития общества также станет переходной, но вне зависимости от того, какое время займет означенный переход, необходимо указать на ее противоречивость. Все социальные модели обременены противоречиями, через разрешение коих они и развиваются, но вопрос состоит в специфическом содержании того или иного противоречия. Госкапиталистическая модель будет растягиваться в сторону сугубо госрегулирования, свойственного социализму, и либерального направления, основанного на частной собственности и инициативе. Вопрос в том, какая из тенденций будет доминировать, и как найти баланс между ними? При этом в сознании научно-образовательного сообщества и государственных управленцев произошли необратимые изменения, которые связаны с модернизацией. Российские реформы, свершившиеся за два десятка лет на стыке столетий, можно по-разному оценивать с историософской, аксиологической, геополитической и т. п. точек зрения. Однако невозможно отрицать того, что их результатом стали качественные или структурные перемены.

История не повторяется, хотя можно вслед за Марксом сказать и так, что элементы повтора, которые периодически возникают в исто-

рии, представляют собой по сути фарс. В области развития научно-образовательной сферы нынешнее российское общество может двинуться как по пути творческого размыкания исторического времени, что всегда связано с проблемами, ибо креативная деятельность людей не имеет заранее известного результата, но может пойти и иным путем. Реставрацией бюджетной системы финансирования научно-образовательной сферы через учреждения по сметному принципу грезят многие участники академического сообщества, причем в их грезах это финансирование является стабильным и обильным. Нельзя сказать, что эта мечта абсолютно нереальна, у нее есть шанс воплотиться в действительность, по крайней мере, в социально-локализованном виде в ограниченный период времени. Однако это путь фарса, повторяющего историю. Результат известен заранее, хотя очевидным он станет для следующих поколений. Это путь на обочину истории.

Финансирование советской науки носило плановый бюджетный характер. Такой тип отношений между государством и научной средой был органическим элементом системы, способом производства самой жизни. Система исчезла, однако инерционные процессы, генетически предопределенные ею, действуют и будут продолжаться еще какое-то время. Значительная часть академического сообщества желает восстановления системы стабильного финансирования учреждений (науки, образования, культуры) со стороны государства, осуществляемого по уже известным отечественным образцам. Это путь к застою. Как не печален этот прогноз, однако, если инвестиции в учреждения как таковые станут единственным или основным способом финансирования науки в новой России, новизна будет лишь декларацией. Финансирование учреждений выгодно всем задействованным в их работе, но в первую очередь двум категориям лиц. Это административно-управленческая верхушка и социально-психологически пассивная среда, которую можно охарактеризовать в качестве «академического болота».

Молодые психологически активные субъекты научного сообщества, являющиеся носителями оригинальных идей, в описанной ситуации должны быть учеными монашеского склада, преданными идее как таковой, своего рода рыцарями познания, либо иметь финансирование в международных организациях. Однако первых по определению не может быть много, а люди, успешные в отношениях с зарубежными структурами, часто утрачивают связи с родиной и являются потенциальными иммигрантами. Еще один путь для названной категории академического сообщества состоит в профессиональной переориентации. В современной России имеются весьма высокие возможности для карьерного роста и связанного с ним материального благополучия, которые можно реализовать в неакадемических сферах.

Иллюзия, которую испытывают некоторые члены академического сообщества, связана не только с инерцией советского времени, но и социальными потрясениями 90-х годов. Финансирование науки и образования посредством грантов в 90-х гг. XX столетия для россиян было средством выживания. Если говорить о структурах, то развивались единицы (вроде РХГА), тогда как масса благодаря грантам в первую очередь выживала. Однако представление о грантовой системе как

способе выживания ложно, а в аспекте государственного управления просто опасно.

Государство обязано финансировать науку и образование. Вопрос в методах. Новации приходят не от большинства, а от творческого меньшинства. Страна, которая хочет не просто существовать, а развиваться, должна выработать формы поддержки малых креативных групп. Для того чтобы развиваться, надо финансировать не только учреждения, а проекты. Я призываю вовсе не к прекращению финансирования первых, но — к сосредоточению внимания на вторых. Учреждения, активные в разработке проектов, поддерживающие в этих начинаниях своих сотрудников, получают финансирование опосредованно — вследствие этой активности, а не по причине своей долгой славной истории, либо в силу более банальных обстоятельств (в числе последних хорошее отношение руководителя и финансирующего органа). Финансирование учреждения в соответствии со сметой, главными статьями которой являются затраты на его повседневное функционирование, представляет собой реликт плановой социалистической экономики в постсоветском обществе. Конкурентоспособности страны в новых условиях оно не повысит, но существование остатков советской научно-образовательной системы продлит на какое-то время.

Россия живет одновременно в нескольких социокультурных постсостояниях. Одно из них постиндустриальное, выступающее переходом к цивилизации информационного типа. Система бюджетного финансирования науки через учреждения вписывалась в социально-экономическую структуру СССР в том числе и потому, что Советский Союз был, точнее говоря, стал цивилизационным пространством индустриального типа. Идеологически советское общество было даже более индустриальным, нежели промышленно развитые страны Запада. Человек в индустриалистском менталитете — «винтик», а в лучшем случае «деталь» общественного устройства. Учреждение — аналог фабрики или завода.

Для информационной эпохи характерно не только повышение удельного веса знания в производстве, но и радикальное сокращение дистанции между разработкой проекта и его внедрением. Исследовательский труд в советском обществе был в определенном смысле «поставлен на конвейер». Это же можно сказать и о производстве учителей, врачей, агрономов и инженеров. Однако специалистам, сошедшим с конвейерного производства, не суждено стать достаточно эффективными в обществе информационного типа. Актуальным для этой надвигающейся эпохи становится подготовка специалистов, которые способны к самостоятельному формированию своей жизненной и профессиональной траектории. Если говорить о научной сфере, то поддержать таких людей, склонных к самоорганизации в компактные эффективные группы в ходе своих исследовательских поисков, может только разветвленная грантовая поддержка. В системе бюджетного финансирования учреждений потенциал таких исследователей имеет шанс на реализацию в весьма незначительной степени.

Наличие денег в бюджете, позволившее государству продекларировать возвращение в научно-образовательную сферу, не сопровождает-

ся, к сожалению, продуманной и отчетливо сформулированной идеологией этого возвращения. Однако в этой неконцептуализированности научно-образовательной и научно-технической политики имеется и положительная сторона. Суть ее в том, что программа поддержки науки не может быть полностью сформулирована без учета новых условий, которые проявятся лишь после того, как сами процессы наберут силу. Требуется, образно говоря, вступление государства в реку крупномасштабного финансирования научной сферы, ибо это уже новая река, текущая в новой (не советской, но и не реформенной) России. Некоторые общие принципы отношения государства к научной сфере, тем не менее, уже сформулированы. О позитиве, заключенном в новых подходах, и возможных негативных последствиях их реализации необходимо сказать уже сейчас.

Позитив состоит в выборе приоритетов госинвестиций в области науки и образования. В его основе лежит трезвое понимание того, что в полном объеме профинансировать все учреждения, унаследованные Россией от СССР, не получится. В такой полноте и нет нужды, что-то должно отмереть, хотя для самих уходящих с исторической сцены этот процесс не из приятных. Не хватит сил у государства и на всеохватное финансирование научных исследований в тематическом аспекте. Эти сферы, особенно инвестиционноемкие, к коим гуманитарные науки, по счастью, не относятся, необходимо выделить заранее. Идею, согласно которой прорыв может быть обеспечен концентрацией ресурсов на узком участке фронта, следует признать справедливой. В качестве контраргумента можно было бы привести опыт «Брусиловского прорыва». В буквальном и прямом смысле он был успешно осуществлен в виде широкого наступления на большом участке фронта русским генералом в Первую мировую войну. Хотя и в более широком метафорическом смысле, можно говорить о том, что в истории социокультурного развития России были примеры наступлений, осуществившихся широким фронтом или веерно. Однако сейчас это вряд ли получится в области технологически сложных научных направлений. Задуматься следует о другом.

Концентрация усилий на некоторых четко фиксированных направлениях реализации научно-технической политики возможна, если сосредотачиваемые силы имеют «среду обитания», своего рода «тыл» научного производства. Тыл кормит фронт, из него же армия черпает себе пополнения. Крепкий тыл, как известно, является залогом не просто успешных боевых действий, а самой победы. Победа куется в тылу, хотя и добывается на поле брани. Без крепкого тыла можно выиграть сражение, проиграв при этом кампанию.

«Тылом» научных исследований является академическая среда. Она имеет несколько структурных измерений — собственно исследовательское, а также образовательное, культурно-просветительское, инженерно-техническое. Не вдаваясь в рассуждения о системных зависимостях академической среды от названных ее сегментов и измерений, укажем лишь то, что с ней в России дела обстоят не блестяще. Если политика государства в отношении формирования научной среды не изменится, то прорывы в определенных секторах научно-технической

сферы, возможно, и будут осуществлены, но польза для страны в целом этих достижений останется проблематичной. Вопрос в том, сумеет ли Россия, цельность которой можно метафорически охарактеризовать в качестве социокультурного организма, усвоить плоды названных прорывов и, переварив их, выйти на новый виток в своем развитии?

Политика государства в области финансирования науки этому не способствует, будучи построена на одном весьма серьезном заблуждении. Суть его состоит в смешении макротактических и стратегических целей. Концентрация финансовых ресурсов государства на определенных направлениях научного развития и в определенных учреждениях, коим уже подобрали имеющее североамериканское происхождение имя «научных университетов», относится к области средне- или (в лучшем случае) макротактических целей. Стратегической задачей политики государства в области развития науки является, на мой взгляд, способствование формированию такой научно-образовательной среды, которая имплицитно содержит в себе потенцию самовоспроизводства. Зависимость экономически развитых стран от нефти и газа пройдет или минимизируется, как это в свое время произошло по отношению к угольному топливу. Однако с учетом культурно-образовательных традиций русской цивилизации время на формирование академической среды нового типа в нынешней благоприятной экономической конъюнктуре у России есть.

В настоящее время государство финансирует науку через два крупных фонда — РФФИ и РГНФ, первый из которых распределяет 6 %, а второй 1 % от общего объема средств, заложенных в бюджет на научные цели. Опыт развитых стран показывает, что это отнюдь не самые большие цифры. Двух фондов также мало в качестве распределительных каналов финансирования. Кроме того, у названных структур сложился свой круг грантополучателей. Ни коим образом не ставя под сомнение их достоинства, тем более что сотрудники РХГА стабильно присутствуют в числе лауреатов конкурсов РГНФ, скажу совершенно твердо, что достойных ученых в России гораздо больше. По своему опыту знаю, что после трех отказов у претендента на грант теряется, как правило, всякая надежда. При сопутствующих обстоятельствах ученый может утратить интерес к разработке новых тем в принципе, погрузившись в педагогическую или административную рутину. Формированию активной, функционирующей в режиме самовоспроизводства академической среды это никоим образом не способствует.

В завершение необходимо сделать два замечания. Первое касается возможных стратегических целей государственной политики. Очерченная выше задача формирования креативной академической среды через создание многоканальной системы ее финансирования со стороны правительственных и стимулируемых властью частных фондов актуальна при наличии реального желания правящей элиты трансформировать Россию в одного из лидеров развитого мира. Речь идет о переходе развитых стран в стадию информационного общества. Однако для «экономики трубы», которая, безусловно, устраивает определенные сегменты российской политической элиты, исполнение очерченной задачи не нужно и даже вредно. В контексте интересов названных сег-

ментов правящего класса гораздо логичнее выглядит локализация научного сообщества, особенно гуманитарной его части, склонной к несанкционированной политической активности, в отстойниках планово финансируемых бюджетных учреждений.

Второе касается конкретных позитивных шагов, уже предпринятых государством в направлении расширения и диверсификации финансирования научно-образовательной сферы. Речь идет о грантах, которые получают российские госуниверситеты в рамках национальных проектов. Вкратце их суть можно изложить так: вузу выделяется по результатам конкурса, проводимого Минобром среди вузов, грант. Администрация университета-получателя, в свою очередь, на основе внутренних и внешних конкурсов проводит более детальное дробление финансовых потоков. Это, конечно, еще не стабильная система грантирования научной среды, но шаг в направлении к ее созданию. Недостатки же этого шага состоят в том, что круг участников выглядит слишком ограниченным и сомнительна реальность конкурсного отбора, которая кажется во многом предопределенной. Полученное (и вузами, и их сотрудниками) финансирование весьма напоминает «надбавку», столь милую сердцу homo soveticus. Однако таких форм госинвестиций в научно-образовательную сферу, которые носят переходный характер, судя по всему, не избежать. Хочется надеяться, что опыт реализации проектов будет учтен и новое правительство предложит в 2008 г. более разветвленную систему научно-образовательной сферы.

Самовоспроизводство включает в себя не только умение адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, в том числе и к таким, когда поток нефтедолларов вдруг иссякнет. Самовоспроизводство академической среды немыслимо без креатива, способности проектировать новые исследовательские программы, которые не просто следуют за требованиями времени, отвечая на его вызовы, но сами формируют эту новизну. Осуществить такую задачу в обществе информационного типа способны группы социально и экзистенциально мобильных индивидов, которые не боятся ответственности, будучи открыты новому и проблемному. Организации научно-образовательной среды по типу монастыря или фабрики (лагеря) органичные для Средневековья и Нового времени, соответственно, в постиндустриальных культурах не состоятельны. Создание разветвленной системы грантовой поддержки индивидов, коллективов и учреждений представляет собой наиболее реальный путь.